Назначить место, где берет начало грех,
Где добродетели свой скончевают бег.

И будет с ним в один состав разведено;
То льзя ли заключить кому по сей примете,
Что нет ни чорнаго, ни белаго во свете?
Спросися каждой сам рассудка своего,
Увидит ясно ложь он мнения сего.
Л. 9 *Сие смешение вещей тому виною,*
Что трудно различить нам их одну с другою.
Грех есть чудовище: его толь *страшен* вид,
376—383 И разным образом сто раз разведено;
Возможно ль заключить кому по сей примете,
Что нет ни чорнаго, ни белаго на свете?
Спроси всяк сам себя: ясняе есть всего.
Для сходства чуднаго и слития сего,
Нам должно приложить труд, время и охоту,
Чтоб различить с грехом не ложную доброту.
Грех есть чудовище, его толь гнусен вид,

Тогда *уж он ему не столь противен* станет;
386 Тогда уже ему не столько гнусен станет;

Тот *чает* север здесь, иной *щитает* тут,
394 Тот ставит север здесь, иной быть чает тут,

Под жарким *поясом пороков хоть* стоит,
Однако «жару я не слышу», — говорит,
Или и чувствуя не хочет повиниться
И в том изобличить других невинных тщится.
Что может произвесть *великой страх в одном,*
То затвердевшие *в грехах зовут добром.*
398—403 Под жарким, так сказать, кто поясом стоит,
И в самом пламене нечестия горит,
Однак не чувствует толь сильнаго он зною,
Или признать того не хочет за собою.
Что может произвесть в безгрешном муже страх,
То затвердевшие добром зовут в грехах.

Л. 9 об. *Доброту иль порок*, не любим или чтим,
Все только по *одной любви к себе самим.*
414—415 Добро ли или зло, не любим или чтим,
Все только по одним лишь прибылям своим.

Но *Божеской* конец есть больший и один,
418 Но Божеской конец есть больший и один,